

Цуркан Вероника Валентиновна

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА "ГОРОД" В ТВОРЧЕСТВЕ Ю. ТРИФОНОВА И А. БИТОВА 1960-1980-Х ГГ

Статья посвящена изучению мирообраза города как одного из элементов художественного сознания Ю. Трифонова и А. Битова. В ней исследуются становление урбанистической поэтики писателей, универсальные и индивидуально-авторские способы представления концепта "город", рассмотрена тенденция к унификации "московского" и "петербургского" текста, представлен анализ единиц, формирующих структуру и ассоциативно-семантическое поле концепта.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/1/56.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (19). С. 195-198. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

«Здесь я так сильно мечтал о будущем, / что мне казалось иногда: я его помню. / И волнение охватывало меня, когда будущее протягивало мне открытую руку. / Мы вместе пели тогда вольные песни, / И я чувствовал его свободное дыхание, / И наши слова называли без усилий незнакомые вещи» (*перевод – И. Х.*).

Человек «брошен» в бытие, чтобы беречь его истину, которая открывается ему «в свете бытия» [8, с. 279]. Это «явление сущего», «просвет бытия», есть событие бытия, и от человека зависит, сможет ли «отвечать этому со-бытию; ибо соразмерно последнему он призван как эк-зистировать хранить истину бытия» [Там же]. Как «пастух бытия» [Там же], беря на себя ответственность быть и отвечать на зов бытия, поэт хранит открывшуюся ему истину в строчках письма.

Творческий акт есть созидание поэта и его мира с помощью «le profond langage» («глубокий язык» Л. Арагон). Создавая словами свой мир, поэт делает свою жизнь «le livre ouvert» («открытой книгой» П. Элюар) для читателя, написание и прочтение которой становится со-бытием сбывающегося слова в нашей земной жизни.

Список литературы

1. Бердяев Н. Философия свободного духа. М.: АСТ, 2006. 416 с.
2. Биbihин В. В. Грамматика поэзии. Новое русское слово. СПб.: Иван Лимбах, 2009. 592 с.
3. Биbihин В. В. Слово и событие. Писатель и литература. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010. 403 с.
4. Левинас Э. Избранное: трудная свобода. М.: РОССПЭН, 2004. 751 с.
5. Лосев А. Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Молодая гвардия, 2009. 617 с.
6. Трубецкой С. Н. Учение о Логосе в его истории. Философско-историческое исследование. СПб.: Изд-во Олега Абышко; Университетская книга, 2009. 608 с.
7. Французская поэзия XIX-XX веков: сборник на франц. яз. М.: Прогресс, 1982. 672 с.
8. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. СПб.: Наука, 2007. 621 с.
9. Хольмстрем И. Н. Событие диалога: мир и человек // Искусство и диалог культур: сб. научн. труд. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. Вып. 6. С. 30-33.
10. www.pierre-emmanuel.net

FRENCH POETIC TEXT: WORD AND EVENT

Irina Nikolaevna Khol'mstrem, Ph. D. in Philology
Department of French and Spanish Languages
Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen
ikhholmstrem@mail.ru

The author reveals the peculiarities of the French poetic text of the middle of the XXth century in the context of the aesthetics of event. Event, which is understood as unity and interaction between poetic word and the world of history, reveals truth and sense of being, and the poet is destined to proclaim that. France freedom becomes a personal event in the poet's life, who can "put into words" his feelings and thoughts.

Key words and phrases: French poetic text; word; event; poet; France; freedom.

УДК 882

Филологические науки

Статья посвящена изучению мирообраза города как одного из элементов художественного сознания Ю. Трифонова и А. Битова. В ней исследуются становление урбанистической поэтики писателей, универсальные и индивидуально-авторские способы представления концепта «город», рассмотрена тенденция к унификации «московского» и «петербургского» текста, представлен анализ единиц, формирующих структуру и ассоциативно-семантическое поле концепта.

Ключевые слова и фразы: концепт; город; денотат; функционально-семантическое поле; урбанизация.

Вероника Валентиновна Цуркан, к. филол. н., доцент
Кафедра русской литературы
Магнитогорский государственный университет
lli@masu.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ГОРОД» В ТВОРЧЕСТВЕ Ю. ТРИФОНОВА И А. БИТОВА 1960-1980-Х ГГ. ©

Работа выполнена в рамках проекта № 6.2939.2011, финансируемого Министерством образования и науки Российской Федерации (госзадание на оказание услуг).

Тема города, фундированная действительностью и искусством XX века, стала в 1960-1980-е годы одной из ведущих в творчестве Ю. Трифонова и А. Битова. Оба художника остро ощущали необходимость решения

конфликта своего времени в месте его возникновения – в суеде «шумных городов», оба осваивали художественный код, мифологическую основу и поэтику урбанизма.

Хотя «время и место» прозы Ю. Трифонова, как и хронотоп произведений А. Битова, становились предметом рассмотрения критиков и литературоведов (Л. Аннинский [1], О. Богданова [7], Н. Иванова [9], В. Пискунов [10], Э. Чансес [13]), специальное сопоставительное исследование способов и средств описания пространства города в текстах писателей не проводилось. В данной работе мы попытались обозначить как универсальные, так и индивидуальные способы представления концепта «город» в творчестве Ю. Трифонова и А. Битова.

Образ города присутствует уже в первых произведениях писателей. Чаще всего это город праздничный, парадный. Белое с золотом доминирует в трифоновских описаниях Москвы, эпитеты «солнечный», «шумный», «красивый» [3, с. 16] – в изображении Ленинграда у А. Битова. Героя повести Ю. Трифонова «Студенты» (1950), после фронта возвращающегося домой, Москва встречает «неутихающим гулом» проспектов, «голосами и смехом толпы», «искрящимися на солнце окнами», «сказочной красотой Кремля, чудесной которой нет ничего на свете» [11, т. 1, с. 25]. Восторг и безоговорочное приятие жизни демонстрируют зарисовки городского пространства в первых произведениях А. Битова. Героиня рассказа «Большой шар» (1961) выходит из дома, «привыкая к свету и шуму» улиц, радуясь «очень голубому небу», «красным пятнам лозунгов» и «бесконечной ленте» [3, с. 15] колонн демонстрантов. Ей хочется «идти со всеми вот в такой колонне. Может, нести что-нибудь, а может, петь» [Там же].

В зрелой прозе Ю. Трифонов и А. Битов отказываются от описательности в создании образа города. Ю. Трифонов остро осознает связь между городом и состоянием государства, между городом и временем. В романах «Старик» (1978), «Время и место» (1980) геопозитические образы, пережившие человека, поколение и эпоху, выступают как свидетели переломных моментов истории, как запечатленное в камне историческое время. А. Битов в романах «Пушкинский дом» (1964–1971), «Улетающий Монахов» (1976), в повестях «Уроки Армении» (1967–1969), «Выбор натуры» (1971–1973) указывает на культурологическую функцию города, выражающую авторское мироощущение в преломлении традиции, аккумулированной в городском пространстве. При этом понятие «традиция» предстает в его произведениях как особый вид дискурса, который обнаруживает выражающую авторскую иронию позицию «пост». А. Битов представляет город как некий культурный знак, лишь на время обретающий витальное начало. В образах Ленинграда, Еревана, Тбилиси на первый план выступает проблема неорганичности современной городской жизни, которая позже будет названа «несуществованием» [5, с. 7].

В 1960–1980-е годы город в творчестве Ю. Трифонова и А. Битова перерастает роль художественного образа и становится системообразующим концептом, в конструировании которого появляются общие сюжетные коллизии, мотивы и образы. В прозу Ю. Трифонова проникают «петербургские» мотивы (в частности, мотив города, противостоящего природе), а в произведениях А. Битова «холодный» и призрачный Ленинград обретает черты города-дома, свойственные «московскому тексту».

Город в произведениях писателей выступает одновременно как градоцентричная и градоотрагивающая система. В цикле «московских повестей» (1969–1975) Ю. Трифонова бульварное кольцо старой Москвы изображается как идейный и топографический центр, обжитое пространство, в котором человек комфортно чувствует себя, где осуществимы творческие планы, достижимо счастье. Теснота улиц с множеством лиц, суедей повседневных дел и забот противопоставляется открытости новостроек, «другой жизни», которая «неисчерпаема, как этот холодный простор, как этот город без края, меркнувший в ожидании вечера» [11, т. 2, с. 360]. В «Пушкинском доме» А. Битова пространство города также образуют кольца. Эпицентром романа является Пушкинский дом. Постепенно кольцо расширяется, и идейно значимым становится весь исторический центр Ленинграда с длинными «проспектами-коридорами» и «залами-площадями» [5, с. 6]. В городе, где облик каждого архитектурного ансамбля, площади, дворца, проспекта обрел неизменность и законченность, время останавливается, статикой вечности противостоя динамической реальности внешнего мира. Еще одно – «трамвайное кольцо» – отделяет город-музей от окраин. Кольцо, круг, символизирующий в творчестве А. Битова замкнутое в себе сознание, делает нереальность главным условием существования города и его обитателей. Лишь «дующий отовсюду» морозный ветер «с детским именем Гастелло» [Там же, с. 84] оживляет бесконечность этого «неудавшегося пространства» [Там же].

На первый взгляд, город Ю. Трифонова, ассоциирующийся с ожиданием или осуществлением новой жизни и сохраняющий принципиальную «открытость» внегородскому миру, имеет мало общего с городом-музеем А. Битова. Тем не менее ряд денотатов и сюжетообразующих оппозиций позволяют увидеть общие черты как в функционально-семантическом поле, так и в структуре трифоновского и битовского концептов. Одну из оппозиций формирует топос «дача» – образ земли обетованной. В битовской повести «Жизнь в ветреную погоду» (1963) недостроенная дача «уже начала ветшать, сруб, так и не обшитый, почернел еще больше» [3, с. 54]. Столь же «нелепо и безвкусно» выглядит в трифоновской повести «Обмен» «бревенчатый дом в два этажа с подвалом, вовсе непохожий на дачный» [11, т. 2, с. 32]. Неустроенность дачной жизни в повести А. Битова и почти пародийная история приобретения героями Ю. Трифонова дачного участка в кооперативе «Красный партизан» демонстрируют фиктивность происходящего, невозможность уловить за «означающим» означаемое. Характерно, что в дачном «раю» Ю. Трифонова и А. Битова человеческие отношения так же дисгармоничны, как и в городе. Другой настойчивый образ-эмблема в концепте «город» – *берег реки*. Пушкинский дом, дом на Набережной или дача в Токсово под Ленинградом стоят на речном

берегу. Обманчиво тихая река в Подмоскowie, черная вода, дышащая зимним паром, в Москве или «студенчатая» и «взбухающая» с «мертвыми баржами» [5, с. 6] Нева могут коварно подточить, обрушить вместе с неустойчивым берегом всю «прежнюю жизнь» – «с тихим шумом и вдруг» [11, т. 3, с. 515].

Свидетельством саморазрушения города служит постепенное уничтожение городского микропространства, своеобразной точкой отсчета которого является *Дом*. Будто опровергая слова М. Цветаевой «Москва! Какой огромный странноприимный дом!» [12, с. 63], названия трифоновских произведений («Обмен», «Опрокинутый дом») включают в себя образ «антидома» – символ неустойчивого, нестабильного бытия, неустроенности жизни. Антидома в «московских повестях» – это место «сшибки» двух кланов, психологической войны близких людей. Персонажи «Пушкинского дома» А. Битова тоже «бездомны». Модест Одоевцев после возвращения из лагеря доживает свой век вместе с бывшим тюремным охранником, которого любит за то, что тот его «дважды не убил» [5, с. 57]. У бессемейного дяди Диккенса «вещи еще бывали, а дома не было» [Там же, с. 28]. Однако самым значимым «домом» в битовском романе является Пушкинский дом. Как известно, размышляя над заглавием произведения, писатель выбирал из множества определений к слову «дом» («заколоченный», «холодный», «ледяной», «белый», «желтый», «пушкинский») то, которое наиболее бы полно отражало концепцию его романа [4, с. 403]. Но в битовском тексте встречается также вариант «холодный дом», отсылающий к одноименному роману Ч. Диккенса. Подобно тому, как на первых страницах английского романа дано описание окружающего мира, как если бы тот был «нарисован тушью» [8, с. 20], ленинградский осенний пейзаж в прологе к «Пушкинскому дому» также выглядит нарисованной картиной, на которой дома словно написаны «разбавленными чернилами» [5, с. 5]. Мотив подмены, игры, таким образом, формирует смысловое поле концепта «город» уже в начале битовского произведения.

Образ «вымороженного» города, дома, где стены – «снег» и «холодно посверкивает со стен ледяное стекло» [2, с. 99], создал в романе «Петербург» А. Белый. Роман А. Битова, написанный в преддверии неизбежных и ощутимых «заморозков», несомненно, развивает мотив холодного дома и города, но вместе с тем обнаруживает дополнительный ракурс. «Дом мой с непокрытой головой пуст, – признается автор. – На полу желтеют листья, которые сбросил мне клен в пустое окно. Герои в нем не живут – мышам пожить нечем. Герои жмутся у соседей, снимают угол. В Пушкинском доме и не живут. Один попробовал....» [5, с. 246]. Подобно Леве Одоевцеву, который в минуту праведного гнева сближается в романе с великим Пушкиным, автор устанавливает доверительные, почти интимные отношения со «своими» Пушкинским домом, русской литературой, Петербургом, Россией. «Я виноват в этой, как теперь модно говорить, “аллюзии” и бессиле против нее, – указывал писатель. – Могу лишь ее расширить: и русская литература, и Петербург (Ленинград), и Россия – все это, так или иначе, ПУШКИНСКИЙ ДОМ без его курчавого постояльца» [Там же, с. 343].

Функции пограничья и «размыкания» городского пространства в мир в произведениях А. Битова и Ю. Трифонова часто выполняют *окна*. В романе Ю. Трифонова «Время и место» из окна, выходящего на Тверской бульвар, дано состоящее из множества подробностей описание восприятия мира ребенком, которому, быть может, впервые город кажется явлением, требующим дополнительного осмысления. Примечательно, что на улице среди собак, бабок, повязанных платками, и милиционеров он в первую очередь обращает внимание на «черного Пушкина, к которому можно подъехать на санках и увидеть, что он грустный» [11, т. 4, с. 274]. Включение шумного бульвара и Пушкина в сознание маленького героя помогает Ю. Трифонову представить город как развивающееся, динамичное явление. Из окна Пушкинского дома антагонист Левы, Митишатьев, выбрасывает чернильницу Григоровича, умершего ровно сто лет спустя после рождения Пушкина, тем самым разрушая непрерывность русской культурной традиции. Окно, в которое хлещет дождь и дует ветер, символизирует в романе границу между свободой и несвободой, культурой и бескультурьем, русской и европейской цивилизацией. Таким образом, каждая из названных единиц (пространственное кольцо, дача, берег реки, дом, окно) имеет собственный комплекс смыслов, расширяющих семантику концепта «город» и утверждающих его роль как организующего центра произведений.

Вместе с тем в концепт «город» писатели вносят черты, позволяющие оспорить традиционное противопоставление Москвы и Петербурга как «города-жизни» и «города-музея». Несомненно, Ю. Трифонов следует традиции, интерпретируя образ Москвы как динамичный, живой организм. В «природной» составляющей концепта он во многом опирается на опыт Б. Пастернака, в творчестве которого город представлен как жизнеспособная система, переживающая циклическую смену обновления и угасания жизненной активности. У трифоновского города есть свои чередования времен года, смена зим и лет, восходов и закатов. Мифология «Москва-лес» звучит в характеристике одного из героев «Опрокинутого дома»: «Его лесом был город, книги, автомобили, таблетки, гипертония. А груздями его были люди, мужчины и женщины – их он находил, влюблялся, восхищался» [Там же, с. 225]. Однако, как справедливо замечает В. М. Пискунов, в городе Ю. Трифонова «в отличие от природных повторяющихся циклов, естественного круговорота смерти-возрождения, все живет лишь однажды и если уходит, исчезает, то исчезает навсегда, как сиреневый сад отца Ляли Телепневой... как песчаные берега Серебряного бора, прочно закованные в гранит набережной» [10, с. 492]. Писатель показывает, как урбанизация, стирая присущие столице «округлость», «пышные формы», «неистовство плоти», разрушает один из центральных в «московском тексте» миф о «Москве-женщине». «Волшебная плоть» [11, т. 2, с. 131] сиреневого сада, напоминающая героям «Долгого прощания» о старом городе у моря, решительно вытесняется непрозрачной плотью реальности. «Сейчас на месте сирени, – безжалостно замечает рассказчик, – стоит восьмизэтажный дом, в первом этаже которого помещается магазин “Мясо”» [Там же]. Ю. Трифонова беспокоит, что природный ритм жизни города уступает место

ритму рынка, «обмена». Довольно часто зарисовки стремительной жизни мегаполиса являют образ разорванного, развоплощенного мира. Городская картинка, возникающая в начале повести «Обмен», рисует московское метро как ад, в котором человек, утрачивая чувство реальности, чувствует себя частью толпы.

Амбивалентный образ города создает в романе «Пушкинский дом» А. Битов. С одной стороны, это «золотой Петербург», «именно золотой – не серый, не голубой, не черный и не серебряный – зо-ло-той!» [5, с. 335]. Это культурный центр, с исторического облика которого до сегодняшнего дня не исчезла тень Пушкина (начиная с Лицея и квартиры на Мойке, 12 и заканчивая Черной речкой). Благодаря Пушкину, символу новизны и «воплощенности», в концепте «город» актуализируется мотив свободы. С другой стороны, Ленинград 1967 года – это город-фантом, город-мираж, город-призрак. Интертекстуальная игра формирует целую систему пародийных отражений, подвергая деконструкции «завершенный», «состоявшийся» смысл города-музея. Эффект вторичности поддерживают сменяющие друг друга в полусне Левы экспонаты музея: «картонный» Медный Всадник, легендарный «кораблик», «пузырящиеся» тени на заднике Адмиралтейства [Там же, с. 382]. А рядом – «медное население», корреспондирующее с «золотым» и «серебряным» веками Петербурга. Разгадка постмодернистской двусмысленности битовского города (как и романа) дана в заключительных эпизодах «Пушкинского дома». Их действие происходит у статуй сфинксов на набережной Невы, отсылая к «Петербургу» А. Белого, а также к античной легенде, согласно которой сфинкс умер, когда Эдип разгадал его загадку, связанную с представлением о циклах человеческой жизни. Несмотря на смерть, как памятник сфинкс продолжает жить. «В этих сфинксах нет ничего загадочного! – восклицает Модест Одоевцев. – И в Петербурге – тоже нет! <...> Все загадочно лишь в силу утраты назначения» [Там же, с. 351]. Смерть, таким образом, становится главным условием сохранения бытия и города-музея, и всей русской культуры.

В «Пушкинском доме» сфинксы смотрят на город «как в пустыню» [Там же]. В пустыню из города бежит герой романа Ю. Трифонова «Время и место» писатель Антипов, ощущая, что жизнь его подошла к последнему пределу. Пустыню, пески герой Ю. Трифонова противопоставляет городу с его суетным бытом, «бременем» могил, «заботой о детях, которые выросли», «муками тщеславия, властью женщин, эгоизмом друзей, террором книг» [11, т. 4, с. 497]. Однако сам автор (так же, как и А. Битов) не видит в пустыне антитезы городу. Антипов обречен на возвращение в Москву, в пустую комнату в Мерзляковском переулке. Мысль о том, что «нет места лучше» [Там же, с. 507], возникает в сознании героя в мгновение перед смертью.

Итак, Ю. Трифонов и А. Битов изучают город как одну из важнейших констант духовной жизни современного человека. Высвечивая его разные грани, писатели помещают город в «сердину контраста» [5, с. 251], выдвигают на первый план играющую двусмысленность, амбивалентность концепта, отражающую картину мира на переломе эпох. Коллизии разрыва человека с окружающим миром Ю. Трифонов противопоставляет возможность «другой жизни», открывающейся в субъективном переживании, в то время как А. Битов настаивает на парадоксальной связи, в которой смерть оказывается гарантом сохранения, а величие города предопределено его «несуществованием» [Там же, с. 7].

Список литературы

1. Аннинский Л. Точка опоры // Критика 50-60-х годов XX века. М.: Агентство «КРПА Олимп», 2004. 439 с.
2. Белый А. Сочинения: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 2. Проза. 671 с.
3. Битов А. Империя в четырех измерениях. М.: Фортуна Лимитед, 2002. 784 с.
4. Битов А. Пушкинский дом. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1999. 559 с.
5. Битов А. Пушкинский дом: роман. М.: Современник, 1989. 399 с.
6. Битов А. Статьи из романа. М.: Советский писатель, 1986. 320 с.
7. Богданова О. В. Роман А. Битова «Пушкинский дом»: «версия и вариант» постмодерна. СПб.: Филол. ф-т С.-Петерб. гос. ун-та, 2002. 96 с.
8. Диккенс Ч. Собрание сочинений: в 30-ти т. М., 1960. Т. 17. 564 с.
9. Иванова Н. Б. Проза Юрия Трифонова. М.: Советский писатель, 1984. 296 с.
10. Пискунов В. М. Время и место прозы Юрия Трифонова // Пискунов В. М. Чистый ритм Мнемозины. М.: Альфа-М, 2005. 608 с.
11. Трифонов Ю. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Художественная литература, 1985-1987.
12. Цветаева М. Сочинения: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1988. Т. 1. Стихотворения 1908-1941. Поэмы. Драматические произведения. 719 с.
13. Чансес Э. Андрей Битов: экология вдохновения / пер. с англ. И. Ларионова. СПб.: Академический проект, 2006. 320 с.

REPRESENTATION FEATURES OF CONCEPT “CITY” IN CREATIVE WORKS OF YU. TRIFONOV AND A. BITOV IN THE 1960-1980S

Veronika Valentinovna Tsurkan, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Department of Russian Literature
Magnitogorsk State University
lli@masu.ru

The author studies the world-image of city as one of the elements of Yu. Trifonov and A. Bitov's artistic consciousness, researches the formation of the writers' urban poetry, the universal and individual-authorial ways of presenting the concept “city”, considers the tendency of the unification of “Moscow” and “St. Petersburg” text, and presents the analysis of the units that form the structure and associative-semantic field of the concept.

Key words and phrases: concept; city; denotation; functional-semantic field; urbanization.